

Что влечет за собой метод прочтения философского текста через идеологию другого текста? По следам диссертации А. П. Огурцова «Отчуждение. Рефлексия. Практика»

Неретина С. С.,

доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва,
главный научный сотрудник, профессор, главный редактор журнала Vox,
abaelardus@mail.ru

Аннотация: Попытка исследовать философские тексты (в данном случае гегелевские) с точки зрения одной-единственной (в данном случае — марксистско-ленинской) идеологии приводит к изменению их смысла. Понятия или истолковываются в прямо противоположном смысле, что возрождает старую, идущую от Аристотеля проблему соотношения имени и вещи. При наложении на вещи имен, противоположных изначально существующим, нарушается корреспондентность имени и вещи, приводящая к уничтожению именно вещи или целого мира, если сознательно переименовываються, значит, не опознаются ключевые вещи мира. Если человек — это самосознание, как его определяет Гегель, то такой человек при этом теряет и сознание, и тесно связанный с ним разум, он отходит от ума (сходит с ума) и получает определение неразумного (безумного, *demens*) смертного живого существа, тем самым теряя и имя «человек». Об этом в VI в. писал Боэций, Бердяев определял это как болезнь бытия, а Ницше называл дегенеративностью. Дж. Агамбен определил современное состояние, возникшее после пандемии, как соперничество трех религий: христианства, капитализма и науки. Верх в этом соперничестве одерживает лишенная теоретического статуса наука, выдвинувшая в качестве одного из своих модусов медицину, понятую как религия и используемую властью как систему принудительных правил. Это состояние он называет началом мировой гражданской войны. В свою очередь такое состояние действительно способно лишить участников и сторонников такой войны чаемого Гегелем самосознания и, соответственно, предреченного Боэцием статуса причастности к человеческому роду.

Ключевые слова: Гегель, язык, Маркс, мысль, переименование вещей, ничто, медицина как религия, болезнь бытия, нигилизм, ритуал, власть.

Текст как палимпсест

Я решила опубликовать кандидатскую диссертацию Александра Павловича Огурцова (А. П.) «Отчуждение. Рефлексия. Практика», защищенную более полувека назад, а написанную и того раньше. Диссертация представляет собой соединенные вместе статьи для «синей» пятитомной Философской энциклопедии. Желание опубликовать диссертацию было обусловлено несколькими причинами: помимо того, что она не утратила своего философского значения, она позволяет выявить новые смыслы, которые, будучи выраженными в 1967 г., уже и тогда не были восприняты, хотя шли в русле

всемирных идей того времени, а в чем-то их и опережали, и вполне возможно, не будут восприняты и сейчас. К тому же в данный момент возрос интерес к марксизму и истории марксизма, спровоцированный интенсивно-подчеркнутым усилением роли экономики, и чисто историко-философский интерес к сравнению, показывающему, как изменилось само прочтение упомянутых в ней мыслителей, прежде всего Гегеля и Маркса. Методологический интерес представляет вопрос не просто о возможности прочитать одного мыслителя (Гегеля) глазами другого (Маркса), замещая или снабжая определениями гегелевские термины (касающиеся, например, мира сознания и вещных отношений как в-себе-бытия) терминами марксистскими, изменяющими смысл если не марксизма, то уж точно Гегеля, и тем самым суметь незаметно (неосознанно?) подменить термины одного терминами другого: государство — буржуазными отношениями или буржуазным обществом, вещь — товаром и пр., подтягивая к ним мысль и ставя не столько чье-то учение с ног на голову, сколько творца этого учения. Позиция властвующей в то время марксистско-ленинской мысли требовала от философа знания, что то европейское государство, право и законы которого он изучал, называлось буржуазным или капиталистическим, хотя бы европейский философ, исследовавший это государство, не только так не считал, но ставил перед собой иные цели при его анализе, пытаясь, например, как Гегель, «изобразить государство как нечто разумное в себе» [Гегель Г. В. Ф., 1990, с. 54–55] и «постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум» [Гегель Г. В. Ф., 1990, с. 55]. Гегеля не интересовала политэкономическая характеристика государства, его интересовало то определенное время, в которое функционировал тот разум, потому он счел возможным саму философию определить как «время, постигнутое в мысли» [Гегель Г. В. Ф., 1990, с. 55]. То есть он не имел в виду (и не мог иметь) марксистских замыслов относительно государства, а имел в виду явление философии. Можно, наверное, согласиться, что именно «идеологические иллюзии... помешали ему [Гегелю] выразить противоречия буржуазного производства и обмена»¹ [Огурцов А. П., с. 21], если под последними словами понимать «общественный порядок», но если мы с этим согласимся, то как же заземляется гегелевская мысль! Нет этого у Гегеля, как нет и товаровладельцев и буржуазного государства. Это не язык Гегеля, его язык — это язык идей и понятий, язык воли и свободы.

В чем проявилась особенность стиля Огурцова? В умении переключать стили — стиль идеологической ортодоксии буквально в следующем абзаце мог смениться свободным философским рассуждением.

В 1960-е гг. мы часто имели дело с эзоповым или двойным языком: то, что Огурцов говорил, скажем, о США, вполне в то время могло быть соотнесено с советской Россией. Так, принадлежность 99% средств массовой информации нескольким концернам в США прочитывалась как их полная принадлежность государству в СССР. Тем более что дальше пояснялось: «Они вбивают одну мысль, одну жизненную максиму в голову каждого: истинно то, что приказывает правительство... Человек свободен говорить то, о чем он думает. Но трагедия заключается в том, что человек, поглощающий в обильном количестве духовные концентраты, производимые современными фабриками

¹ Гегель употреблял этот термин — иллюзия (см. название 2-й главы «Феноменологии духа» «Восприятие или вещь и иллюзия»).

интеллектуальных продуктов — кино, прессой, телевидением, — все менее и менее способен думать. Ему предоставляется формальное право говорить, но его лишают возможности думать» [Огурцов А. П., с. 67]. **Идеологическое** начало сменилось **философской мыслью о способах уничтожения мысли**. Еще одно высказывание, явно относящееся к российским 1960-м гг., затушевано ссылкой на уравнилельный, деспотический «коммунизм», «отрицающий повсюду личность человека», желающий насильственно абстрагироваться от таланта и т. д., проповедующий во всем серое унылое однообразие и «абстрактное отрицание всего мира культуры и цивилизации» [Огурцов А. П., с. 70].

В диссертации много забытых нынче имен, имевших вес в нашей философии, занятой обследованием так называемой буржуазной философии (имя «буржуазная философия» было как бы псевдонимом, использовавшимся в то время для отделения марксистов от немарксистов или от иностранных философов и политологов, изучавших Маркса). Имена самые разные, в том числе врагов и гонителей Александра Павловича, например М. Н. Руткевича. Это свидетельствует о желании максимально объективно разобраться в проблемах, поставленных марксистской философией в целом, исключая собственные предпочтения, которые, однако, выявляются именно в их решении. Надо отметить особую манеру изложения Александра Павловича: не заботиться о собственном приоритете в видении проблем, считать, что эти приоритеты выявит анализ мыслей и текстов. Впрочем, язык диссертации свидетельствует о том, к каким ухищрениям приходилось прибегать советским философам, чтобы выразить собственные проблемные смыслы, свое вопросительное отношение к ним. Применительно к западным концепциям надо было добавлять определение «идеалистические» (что было способом продвижения своей темы, если, конечно, философ не придерживался принятых идеологических клише). Поэтому исследование буржуазной мысли объяснялось необходимостью знания идей противников марксизма — о чисто исследовательском интересе не упоминалось. Но он **очевидно присутствовал**.

Язык как посредник в истолковании мира

Осуществляя свой критический замысел, А. П. вслед за К. О. Апелем выдвигает в качестве центральной проблематики анализ языка («сугубо архивная тема... приобретает неожиданный актуальный смысл» [Огурцов А. П., с. 76], потому что именно в то время эта проблема выдвигалась на острие мысли. **Язык**, а не просто предметно-чувственная деятельность, предстает «как действительный посредник истолкования мира. Тем самым действительное содержание философии марксизма претерпевает... значительную модификацию» [Огурцов А. П., с. 76].

Несмотря на то что Апель, как пишет Огурцов, превращает «отношение Маркса к гегелевской философии, в которой он всегда видел один из теоретических источников своего учения... просто в отношении антагонизма» [Огурцов А. П., с. 76], однако существенно то, что А. П. обратил на это внимание, превращающее Маркса в действительно лучшего ученика Гегеля. Одна из форм опредмечивания человека (а именно язык), пока еще производная от чувственной деятельности, объявляется основополагающей. Тем самым действительное содержание философии гегельянства

и марксизма готово было претерпеть значительную модификацию, если бы продолжить исследование.

Человек рассматривается Гегелем как общественное существо, как персонификация общественной тотальности. Эта общественная целостность тождественна у него идеальной сущности, мышлению. Поэтому человек для Гегеля — самосознание, а не — пусть и разумное — animal. (С этим противопоставлением мы еще столкнемся.) Поскольку человек — это самосознание, постольку и предмет — не реальный, но лишь идеально полагаемый предмет, а его бытие, продолжил Маркс, поскольку это чистое бытие, т. е. мысль о бытии, вполне может определять сознание. Огурцов цитирует следующее высказывание Маркса: «То бытие, которое Гегель снимает, переводя его в философию, не есть вовсе действительная религия, государство, природа, а религия в том виде, в каком она уже сама является предметом знания — догматика, то же самое относится к юриспруденции, к науке о государстве, к естествознанию» [Маркс К., Энгельс Ф., 1956, с. 636].

Но как это осуществляется? Или что это осуществляет? Именно здесь А. П. являет себя самого, себя самосущего, ибо в его сочинении опознается идеологический налет. Предметность, размышляет он, в которой воплощается дух, есть не что иное, как предметность языка. Объективизация мышления в языке — вот та форма объективации, которую исследует Гегель. «Именно сила языкового выражения как такового осуществляет то, что должно быть осуществлено. Ибо язык есть наличное бытие чистой самости как самости; в нем для себя сущая единичность самосознания как таковая вступает в существование в том смысле, что она есть для других. "Я" как этого чистого "Я" в наличности иначе нет... Язык же содержит "Я" в его чистоте, он один высказывает — я "его само"» [Гегель Г. В. Ф., 1959, с. 272–273].

Вот в этом месте и возник мой вопрос. Как же так: только что диссертант называл гегелевское государство буржуазным, всю его философию — «идеологическими иллюзиями», которые ему якобы мешали выразить противоречия буржуазного производства, а оказывается, этого не могло быть, поскольку язык в качестве выразителя разума был его ревизором и контролером?

Продолжим немного изложение и чтение Огурцовым Гегеля. Самосознание, объективируясь в языке, становится всеобщим самосознанием. О человеческом сознании, по Гегелю, можно говорить с появлением языка — «первой творческой силы, которую употребляет дух» [13, S. 183]. «Гегель сравнивает роль языка для сознания с ролью орудия труда, являющегося материальным посредником между человеком и природой. Это сравнение — гениальный проблеск действительного понимания диалектики исторического процесса, ибо язык, так же как и средство труда, является одним из видов обобщения и передачи последующему поколению опыта всемирно-исторической практики человечества... Благодаря обозначению словом чуждость предмета для человека исчезает, предмет природы присваивается им и становится общественным» [Огурцов А. П., с. 139]. Именно с названием вещи исчезает ее чуждость, обозначение словом вещи — это «первое вступление во владение всей природой или создание ее из духа» [Hegel, 1931, S. 173]. И это действительно так: это и есть пусть первое, но — овладение природой.

Здесь Родос, здесь прыгай!

Переименование вещей как амнезия

Ну, вот мы выучились придавать вещам имена и соотносить их с именами. Замечу: это мы дали им имена (я сейчас не озабочена библейским двойным созданием имен — Богом, а потом человеком, Адамом, как упоминает Гегель). А потом мы же решили, что вот это должно называться тем. Государство-Дух Гегеля — буржуазным государством Маркса. Можно продолжить примеры: Ненависть можно назвать Любовью (один из учеников Бухарина сказал: «Лучшее дело любви — это ненависть»), Войну — Миром, ярко выраженный национализм — тоже миром, но строго определенной национальности, опирающимся на культурно-цивилизационную, геополитическую и ту религиозную концепцию, что провозгласила отсутствие различия между эллином и иудеем, от имени которой можно вести яростную войну с врагом, иногда по забывчивости называемым братом. Мы переназвали вещи, дали им новые имена.

Сработает ли здесь корреспондентность? Закон тождества имени и вещи? Из «Науки логики» Гегеля мы знаем (вообще-то знали еще раньше, но мы начали говорить о Гегеле), что понятие (схваченное именем) и бытие вещи различны. Как душа и тело, они отделимы друг от друга, а потому преходящи и смертны, но друг друга признают, если их снова соединить. Однако новое имя схватывает иное понятие вещи, потому вещь, лучше сказать «нечто» (вещь вещает, она уже поименована), не откликается на новое слово. Оно молчит. Оно не опознает новое имя. А слово нападает, оно хочет отклика вещи. И вещь сопротивляется, даже если не хочет. Это значит, что конкретная вещь-нечто, поскольку в нем выражается общее понятие, при смене имени перестает его выражать. И себя не выражает, и общего понятия нет. Мир распадается.

Что начинает происходить с вещью? Пассивно ждать, пока вернется старое слово? Но мы, придавая вещи новое понятие, из нового понятия, повторю, схваченного в имени, и раньше-то не могли выхватить ее существования, а теперь и подавно. Мы вещь утратили и не знаем, с чем имеем дело. То есть это не простая вещь: Гегеля объяснять Марксом. Это плохо даже при наличии эзопова языка, но если и эзопова языка нет, нет и Гегеля. Даже бытие и ничто — не одно и то же, по Гегелю, хотя и то, и другое неопределимы и пусты, поскольку то, «от чего якобы должно отвлекаться, все же имеется и названо в положении» [Гегель Г. В. Ф., 1970, с. 149]. А здесь некое определенно коннотированное нечто (война) предлагается понимать тоже как определенное нечто, но последнее уже было связано с другими коннотациями (мир), которые сами по себе к первому не имеют отношения. Непригодность применения иного языка (иных имен) для выражения этих спекуляций тотальная. Если человек — самосознание, то он при этом теряет и сознание, и тесно связанный с ним раз-ум, он отходит от ума и получает определение неразумного (безумного, *demens*) смертного живого существа, тем самым теряя и имя «человек».

Приведу старое-престарое (VI в.) рассуждение Боэция: «Уклоняющееся от блага (а таким уклонением безусловно является осознанное переименование имени на противоположное, преследующее цель изменить представление о вещи. — С. Н.) перестает существовать — поэтому злые люди перестают быть теми, кем были прежде. О том, что они были людьми, свидетельствует лишь сохранившийся у них облик человеческого тела. Но поскольку они погрязли в пороке, их человеческая природа

утрачена. Если верно, что только добрые нравы могут вознести кого-нибудь над людьми, то из этого с необходимостью следует, что отвергших условие человеческого существования (Ханна Арендт почти теми же словами сказала об Эйхмане. — С. Н.) порочность по справедливости столкнет ниже человеческого рода. Следовательно, обезображенного пороками... нельзя считать человеком. Томится ли жаждой чужого богатства алчный грабитель? — Скажешь, что он подобен волку в своей злобе и ненасытности. Нагло нарываясь на ссору? — Сравнишь с собакой. Замышляет втайне худое, злорадствует незаметно для других? — Подобен лисице. Бушует в неукротимом гневе? — Думаю, что уподобился льву. Труслив и бежит от того, чего не следует бояться? — Похож на оленя. Прозябает в нерадивости и тупости? — Живет, как осел. Кто легко и беспечно меняет желания? — Ничем не отличается от птицы. Кто погружен в грязные и суетные страсти? — Пал в своих стремлениях до уровня свиньи» [Боэций, 1990, с. 257–258].

Первая мысль, которая возникает при осмотре мира, получившего противоположные значения: схожесть с читкой слова наоборот (сказка Шварца «Королевство кривых зеркал», где героини Оля и Яло — зеркальные отражения). Но это рождает лишь иронию, позволяющую все переиграть, ибо противоположность — не читка слова наоборот, которое все же одно и то же слово.

Сначала, когда я вдруг осознала, что переименование слов уже не просто вопрос, а действительность, то подумала, что следствием такой трансумпции может быть хаос, из которого через некоторое время наступает порядок. Потом поняла: нет. Ибо нет вещи, к которой прицеплялось бы имя как бирка. Вещь, если вспомнить «Облако в штанах» В. В. Маяковского, как «улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать».

Так что происходит при попытке переименовать все? Пиковый период метанойи. Переход в такое иное, когда сам себе кажешься чужим! Очевидно, завершается или уже завершен определенный период, длившийся с XVII в. и который можно назвать историческим, когда пора вслушаться в голос иной философии.

Медицина как маска тотального захвата

Здесь, видимо, надо произвести исследования соотношения силы власти и здоровья народа, позволяющего такую трансумпцию, что, по Боэциевой классификации, можно признать большую часть его страдающей деменцией? Вопрос на деле встал в момент, когда масса была провозглашена историческим субъектом, в результате чего возникли две взаимоисключающие политико-экономические системы: демократическая и тоталитарная, примеры чему дал XX век. Тоталитарная власть — это поиски вечности мира, установленного одним-единственным человеком во имя им же установленных целей. Не Богом, ибо Бог хотел, чтобы было хорошо, т. е. чтобы у каждого была своя цель.

Вышеозначенная проблема ставилась давно. О болезни бытия писал Бердяев, а Ницше — о дегенеративности народа². Ницше не боялся называть вещи своими именами, хотя это не менее больно, чем использование перевертышей. Ницше пишет Брандесу: «Многие слова у меня пропитались совсем другими солями и для моего языка имеют совсем другой вкус, чем для моих читателей». Он видел и называл разносчиков болезни: ими были христианство и нигилизм. Более того, Ницше характеризовал все нигилистические религии как **«систематизированные истории болезни»** под одной религиозно-моральной рубрикой».

В христианском культе в центре — круговорот *паралитических феноменов*, вокруг которых и строится весь культ, достаточно вспомнить новозаветные притчи о Христе. И тем не менее я не хочу сказать, что мы повторяемся. Нет. Такого — переворачивания имен — в заводе еще не было. Соппротивление мира показывает, как сильно оно может ударить мир. Упование, что сопротивления хватит надолго. Другой менеджмент. Ни один из шести типов государств не проходит. Горизонтальные связи. То, что Ницше считал антибиологичным придание большего веса миру, а не войне, считая саму жизнь результатом войны, означает не то, что он сторонник равноправия этих составляющих Мира, а то, что человек слаб и для той, и для другой, поскольку он утратил когда-то бывшее в нем «сверх», «потустороннее». Бог Августина, поселившийся в человеке и распиравший его до бесконечности, был забыт. Ницше сам, без подпорок и подсказок вспоминает о Нем и об этом Его действии в автобиографии. «И так вырастает человек из всего, что его некогда окружало; ему не надо разрывать оковы, ибо неожиданно, когда велит Бог, они падают; и где то кольцо, которое его еще объемлет? Быть может, это мир? Или Бог?» [Цит. по: Хайдеггер М., 2006, с. 226]. Дело не в том, что Ницше считает добродетель и сострадание ценностями самоистощенных (так же считал еще в XVI в. Н. Макиавелли), а в том, что философ жестко описывает проблемы, действительно ставшие проблемами не только XX, но, как видим, и XXI в., заинтригованный способом, каким «сущее есть то, что оно есть» [Хайдеггер М., 2006, с. 229]. Нигилизм (и связанное с ним христианство) он определяет как утрату всех высших ценностей, отсутствие всяких целей. Это утверждение предела, конца, отрицание существующего мира, проистекающее из слабости, вовсе не означает появления нового, но нас сейчас интересует нигилизм почти как медицинский диагноз затянувшейся больше, чем на век, дегенерации человека. Что скорее свидетельствует о силе идеи как таковой, приложимой здесь и сейчас!

Что же происходит сейчас? Как считает Дж. Агамбен в работе «Медицина как религия»³, XXI век характеризуется борьбой трех религий: христианством, капитализмом

² Ницше писал: «Не природа безнравственна, когда она без сострадания относится к дегенератам — наоборот, рост физиологического и морального зла в человеческом роде есть следствие болезненной и противостоительной морали. Чувствительность большинства людей болезненна и неестественна» (Ницше Ф. Воля к власти. Электронный ресурс: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwj4trqYrJv4AhUdBxAIHRtaCKkQFnoECAyQAQ&url=http%3A%2F%2Fyanko.lib.ru%2Fbooks%2Fphilosoph%2Fnizshe-volya_k_vlasti-1.pdf&usg=AOvVaw2YjH7Lt7Ny60MhgbOguF84 (дата обращения: 07.06.2022). Далее ссылки на это издание.

³ Агамбен Дж. Медицина как религия. Электронный ресурс: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjJ0fWCxpV4AhVi-ioKHe0LCRsQFnoECA0QAQ&url=https%3A%2F%2Fsyg.ma%2F%40piskarevsky%2Fmieditsina-kak-relighija&usg=AOvVaw2rZmFM0BCeF-FACu3ZDmad> (дата обращения: 07.06.2022). Далее ссылки на это издание.

и наукой. Верх, по его версии, одерживает последняя. Речь в этой борьбе идет не о теории, а об отправлении культа, «образно говоря», ибо и наука имеет свои ритуалы (например, организует и упорядочивает технологические процессы и свою структуру, о чем писал в своей первой книге «Структура науки» А. П.).

Главным протагонистом этой «новой религиозной войны» становится та область науки, где меньше всего догматической строгости, — медицина, изучающая тело живого человека и исходящая, подобно манихейству, из дуалистической оппозиции. Постулируются два божества — «злокачественный принцип», выраженный болезнью (бактериями и вирусами), и «благой принцип», выражаемый лечением. Агентами этого второго божества являются врачи и терапевтические процедуры.

В процессе пандемии и во время образовавшегося после этого события напряжения, превратившего мир в «поле боя» в прямом и переносном смысле, вся жизнь человеческого существа становится объектом нескончаемого культового почитания. Это сопровождается довольно жесткими мерами, которые предпринимает государство: лишение свободы передвижения, соблюдения режима питания, самоизоляции, что похоже на монашескую жизнь, соответственно, лишение привычных коммуникативных действий (рабочих, дружеских, любовных и пр.). Как считает Агамбен, «культовая практика больше не является свободной и добровольной, ограниченной только санкциями духовного порядка, но должна стать обязательной в нормативном плане. Сговор между религией и светской властью, конечно же, не новинка; новинка заключается в том, что сговор больше не касается, как это было в случае с ересями, исповедания догм, а касается исключительно отправления культа». Литургия медицинской религии, совпадающая ныне с жизнью как таковой, дотошно соблюдалась и все еще соблюдается в связи с другими причинами во всех мелочах. Врачи начинали лечить всех, как одного, и это напоминает о влиянии на Агамбена философии Ницше, писавшего обо всех, как о «стаде», «стадном животном», «стадных инстинктах». Ницше стеснялся употреблять эти слова, считая их «тяжким проступком» и оправдывался тем, что «мы говорим здесь “между нами” — но в нас также живет чувство, которое все еще оскорбляется, когда кто-нибудь причисляет человека к животным». И у него речь идет о культовой практике.

По мысли Агамбена, «не исключено, что эпидемия, которую мы переживаем, является воплощением мировой гражданской войны, которая, по мнению самых осторожных политологов, пришла на смену традиционным мировым войнам. Все нации и все народы теперь постоянно воюют сами с собой, потому что невидимый и неуловимый враг, с которым они воюют, находится внутри нас».

Можно принимать или не принимать этот взгляд Агамбена, но факт, что философам вновь придется «вступить в конфронтацию» с тем положением дел, которое спровоцировало тотальное переименование, т. е. ничтожение сущего мира, ибо чем иным назвать захват политических, часто неправовых, инициатив (социально-политических и военно-политических), замаскированных требованиями медицинского характера, которые обязательны для всех и которые изменяют саму историческую массу. Правда, такой захват инициатив в РФ произошел несколько раньше. В 2006 году принимается закон об отмене минимального порога явки избирателей и графы «против всех». Одобрение безынициативности, однако, оказалось поддержанным случившейся пандемией: можно не ходить на работу, не готовить обед, ибо кафе и рестораны готовы

все привезти на дом, кое-как учиться, ибо на онлайн-занятиях можно не открывать «окошка» и, значит, не слушать лекции или не участвовать в семинаре. К экзамену можно готовить один билет. Конечно, многие собираются, но многие и расхолаживаются. Это простые, видимые глазу наблюдения. Но простые наблюдения многое объясняют, очевидно, что созданы возможности для лишения народа — по Гегелю — самосознания, бывшего достоянием рода человека, рождающего зло (злбность) как нехватку блага (как раз и связанного с целевой установкой) и агрессивность. Даже нет нужды утверждать, как часто это делается в публицистике, что происходит обольванивание масс, ибо массы в силу закона о всеобщем среднем образовании грамотные, но собственная мысль многих в силу указанных обстоятельств легко замещается вкладываемыми в них СМИ поведенческими и когнитивными инструкциями, исполняющими роль старых врожденных идей, не говоря уже об избытии в мире властных силовых структур. Не-дело делает свое дело.

Ум при этом не может не слабеть. В одной из статей, посвященных, казалось бы, частному вопросу, мы читаем: «По данным ВОЗ, распространенность болезни Альцгеймера с каждым годом растет и молодеет. Если раньше заболевание в среднем встречалось у людей в возрасте от 60 лет, то на сегодняшний день оно проявляется, начиная с 50 лет. Сегодня более 35 миллионов человек во всем мире страдают от деменции, однако, по мнению ученых, их число будет удваиваться каждые 20 лет, достигнув 65,7 миллиона в 2030 и 115,4 миллиона в 2050 году» [Альшанская М. В. и др., 2019, с. 13]. Быстро прогрессирующая деменция характеризуется как когнитивное нарушение, влияющее на повседневную жизнедеятельность, развивающееся менее чем за 1 год [Емелин А. Ю. и др., 2021, с. 31]. Риск, связанный с отсутствием самосознания, позволяющего вторгаться в само мировое языковое устройство, тем более велик, что второго такого мира нет. Снова встают вопросы относительно статуса, состояния и понимания того, что такое природа.

Литература

1. Агамбен Дж. Медицина как религия. Электронный ресурс: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjJ0fWCxpv4AhVi-ioKHe0LCRsQFnoECA0QAQ&url=https%3A%2F%2Fsyg.ma%2F%40piskarevsky%2Fmieditsina-kak-rieliighiia&usg=AOvVaw2rZmFM0BCeF-FACu3ZDmad> (дата обращения: 07.06.2022).
2. Альшанская М. В., Макушина А. С., Александрова Н. В., Лемиш В. В. Социальные и психологические проблемы людей, осуществляющих уход за родственниками, больными деменцией // Омский психиатрический журнал. — 2019. № 1(19). — С. 13–15.
3. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. — М.: Наука, 1990. — 414 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. — М.: Мысль, 1970. — 501 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. Г. Шпета // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. IV. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. — 488 с.

6. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; автор вступ. статьи и прим. В. С. Нерсесянц; пер. с нем. Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
7. Емелин А. Ю., Колмакова К. А., Кашин А. В., Костина Е. В. Сосудистая деменция как вариант быстро прогрессирующей деменции // *Известия Военно-медицинской академии*. — 2021. Т. 40. № 54. — С. 32–36.
8. Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений*. — М.: Политиздат, 1956. — 690 с.
9. Ницше Ф. *Воля к власти*. Электронный ресурс: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwj4trqYrJv4AhUdBxAIHRtaCKkQFnoECAyQAQ&url=http%3A%2F%2Fyanko.lib.ru%2Fbooks%2Fphilosoph%2Fnizshe-volya_k_vlasti-l.pdf&usg=AOvVaw2YjH7Lt7Ny60MhgbOguF84 (дата обращения: 07.06.2022).
10. Огурцов А. П. *Отчуждение, рефлексия и практика*. Эл. вариант рукописи диссертации.
11. Хайдеггер М. *Ницше. Т. I* / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. — СПб.: «Владимир Даль», 2006. — 608 с.
12. Hegel. *Realphilosophie*. Bd. II // *Sämtliche Werke*. Bd. XX. Leipzig, 1931.
13. *Hegels theologischen Jugendschriften*. Tübingen, 1907. S. 183.

References

1. Agamben Gi. *Medicina kak religia* [Medicine as religion]. URL: [[https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjJ0fWCxpv4AhVi-
ioKHe0LCRsQFnoECA0QAQ&url=https%3A%2F%2Fsyg.ma%2F%40piskarevsky%2Fmieditsina-kak-rielihiia&usg=AOvVaw2rZmFM0BCeF-FACu3ZDmad](https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjJ0fWCxpv4AhVi-
ioKHe0LCRsQFnoECA0QAQ&url=https%3A%2F%2Fsyg.ma%2F%40piskarevsky%2Fmieditsina-kak-rielihiia&usg=AOvVaw2rZmFM0BCeF-FACu3ZDmad), accessed on 07.06.2022]. (In Russian.)
2. Alshanskaya M. V., Makushina A. S., Aleksandrova N. V., Lemish V. V. *Sotsial'nye i psikhologicheskie problem ludei, osushchestvliashchikh ukhod za rodstvennikami, bol'nymi dementsiei* [Social and psychological problems of people carrying on relatives with patients with dementia]. *Omsk Journal of Psychiatry*, 2019, no. 1(19). Pp. 13–15. (In Russian.)
3. Boethius. “*Utshenie filosofiey*” i *drugie traktaty* [Consolatio philosophiae]. Moscow: Nauka, 1990. 414 p. (In Russian.)
4. Emelin A. Yu., Kolmakova K. A., Kashin A. V., Kostina E. V. *Sosudistaia dementsiia kak variant bystroprogressiruiushchei dementsii* [Vascular dementia as variant of rapidly progressive dementia]. *Russian military medical academy reports*, 2021, Vol. 40, no. 54. Pp. 32–36.
5. Hegel G. W. F. “*Fenomenologia dukkha*” [Phenomenologie des Geistes], transl. from German by G. Shpet, in: G. W. F. Hegel, *Sochineniya* [Works], Vol. IV. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, 1959. 488 p. (In Russian.)

6. Hegel G. W. F. *Filisofia prava* [Philosophie des Rechts], ed. by D. A. Kerimov, V. S. Nersesiants, introductory article & notes by V. S. Nersesiants, trans. from German by B. G. Stolpner, M. I. Levina. Moscow: Mysl, 1990. 524 p. (In Russian.)
7. Hegel G. W. F. *Nauka logiki* [Wissenschaft der Logik], Vol. 1. Moscow: Mysl, 1970. 501 p. (In Russian.)
8. Hegel. *Realphilosophie*. Bd. II, in: *Sämtliche Werke*. Bd. XX. Leipzig, 1931 (In German.)
9. Hegels theologischen Jugendschriften. Tübingen, 1907. S. 183 (In German.)
10. Heidegger M. *Nicshe* [Nietzsche], Vol. I, transl. from German by A. P. Shurbelev. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2006. 608 p. (In Russian.)
11. Marx K., Engels F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow: Politizdat, 1956. 690 p. (In Russian.)
12. Nietzsche F. *Volya k vlasti* [Wille zur Macht]. URL: [https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwj4trqYrJv4AhUdBxAIHRtaCKkQFnoECAyQAQ&url=http%3A%2F%2Fyanko.lib.ru%2Fbooks%2Fphilosoph%2Fnizshe-volya_k_vlasti-l.pdf&usg=AOvVaw2YjH7Lt7Ny60MhgbOguF84], accessed on 07.06.2022]. (In Russian.)
13. Ogurtsov A. P. *Otchuzdenie, refleksia i praktika* [Alienation, reflection and practice]. Electronic version of the dissertation manuscript. (In Russian.)

What does the method of reading a philosophical text entail through the ideology of another text? Following the thesis of A. P. Ogurtsov "Alienation. Reflection. Practice"

Neretina S. S.,

DPhi, Institute of Philosophy of Russian Academy of Science,
Chief Scientific Researcher, Professor, Chief editor of journal "Vox",
abaelardus@mail.ru

Abstract: An attempt to investigate philosophical texts (in this case, Hegelian ones) from the point of view of a single (in this case, Marxist-Leninist) ideology leads to a change in their meaning. Concepts are interpreted in the exact opposite sense, which revives the old problem from Aristotle, the relationship between the name and the thing. When names are imposed on things that are opposite to those that originally exist, the correspondence between the name and the thing is violated, leading to the destruction of the thing or the whole world, if they are consciously renamed, then the key things of the world are not recognized. If a person is self-consciousness, as Hegel defines it, then such a person loses both consciousness and the mind closely connected with it, he moves away from the mind (goes crazy) and receives the definition of an unreasonable (insane, demens) mortal living being, thereby losing and the name "man". About this in the VI century. Boethius wrote, Berdyaev defined it as a disease of being, and Nietzsche as degenerativeness. J. Agamben defined the current state that emerged after the pandemic as a rivalry between three religions: Christianity, capitalism and science. The upper hand in this rivalry is won by a science deprived of a theoretical status, which put forward as one of its modes medicine, understood as a religion and used by the authorities as a system of coercive rules. He calls this state the beginning of a world civil war. In turn, such a state is really capable of depriving the participants and supporters of such a war of self-consciousness desired by Hegel and, accordingly, the status of participation in the human race predicted by Boethius.

Keywords: Hegel, language, Marx, thought, renaming of things, nothingness, medicine as a religion, illness of being, nihilism, ritual, power.